

Детям, в чьих руках наше будущее

1

До декабря оставалось совсем чуть-чуть, и Джонасу было страшно. Нет. Неправильное слово, подумал Джонас. Страшно — это когда тебе плохо оттого, что должно произойти что-то ужасное. Страшно ему было год назад, когда неизвестный самолет дважды пролетел над коммуной. Джонас сначала увидел его, а через секунду услышал рев двигателя. Затем почти сразу тот же самолет пронесся обратно.

Джонас замер. Он никогда не видел самолетов так близко: Пилотам запрещалось летать над коммуной. Иногда на посадочную полосу по ту сторону реки приземлялись грузовые самолеты, и дети на велосипедах подъезжали к берегу и не отрываясь смотрели, как они сгружают продовольствие, а потом улетают на запад, за пределы коммуны.

Но этот самолет был другим. Остроносый и стремительный, он был совсем не похож на пузатые грузовые суда. Испуганно оглядевшись, Джонас увидел, что остальные — и дети, и взрослые — бросили свои дела и ждут, пока им объяснят, что происходит.

«ВСЕМ ЧЛЕНАМ КОММУНЫ НЕМЕДЛЕННО ЗАЙТИ В БЛИЖАЙШЕЕ ЗДАНИЕ И ОСТАВАТЬСЯ ТАМ! — раздался из громкоговорителей резкий голос. — ВЕЛОСИПЕДЫ ОСТАВИТЬ НА МЕСТЕ».

Джонас тут же бросил велосипед на дорожке возле своего дома и вбежал внутрь. Он был один — родители еще не пришли с работы, а младшая сестра Лили, как всегда после школы, была в Детском Центре.

Джонас посмотрел в окно. Улица опустела: ни Дворников, ни Ландшафтных Рабочих, ни Доставщиков Еды — никого из тех, кто обычно заполняет коммуны в дневные часы. Только валяющиеся повсюду велосипеды — у одного еще крутилось колесо.

Вот тогда он испугался. От вида замершей коммуны ему стало нехорошо.

Но оказалось, что ничего страшного не произошло. Уже через несколько минут снова раздался треск громкоговорителей, и го-

ДАЮЩИЙ

лос, теперь гораздо более спокойный, объяснил, что Пилот на Обучении сбился с курса, запаниковал и в надежде скрыть ошибку повернул обратно.

«РАЗУМЕЕТСЯ, ОН БУДЕТ УДАЛЕН», — сказал голос, и наступила тишина.

Последнюю фразу Диктор произнес с иронией, как будто речь шла о чем-то забавном. Джонас тоже усмехнулся, хотя отлично знал, что ничего смешного в этом утверждении нет. Для действующего члена коммуны Удаление было страшным наказанием, свидетельством полного провала, приговором.

Даже детей ругали, когда они использовали это слово просто так, например разозлившись на члена команды, пропустившего мяч или уронившего эстафетную палочку. Джонас тоже однажды крикнул своему лучшему другу Эшеру: «Ну все! Ты удален!» — когда из-за его промаха их команда проиграла. Тренер отвел Джонаса в сторону для серьезного разговора, и он, виновато опустив голову, попросил у Эшера прощения.

Джонас ехал домой вдоль берега и размышлял о чувстве страха. Он вспомнил, как

до тошноты испугался пронесшегося над коммуной самолета. Это было совсем не похоже на ощущения, которые вызывал в нем приближающийся декабрь. Он искал правильное слово, чтобы их описать.

Джонас внимательно относился к словам. Не то что его друг Эшер, который говорил слишком быстро и все путал — получалась такая мешанина, что не всегда даже было понятно, о чем речь. Часто выходило очень смешно.

Джонас улыбнулся, вспомнив, как однажды утром запыхавшийся Эшер ворвался в класс, когда все уже пели утренний гимн. Исполнив последний куплет, ученики расселись по местам, а Эшер остался стоять. Он должен был, как и положено, публично извиниться.

Так и не отдышавшись, Эшер протараторил стандартное извинение:

— Я приношу извинения за то, что причинил неудобство своим соученикам.

Инструктор и класс терпеливо ждали объяснения. Ученики улыбались — они не раз уже выслушивали объяснения Эшера.

— Я вышел из дома вовремя, но, когда проезжал мимо инкубатория, залюбовался

ДАЮЩИЙ

тем, как разделявают семгу. Я приношу извинения своим одноклассникам, — повторил Эшер, одернул форму и сел.

— Мы принимаем твои извинения, Эшер. — Класс хором проскандировал стандартный ответ.

При этом многие ученики с трудом сдерживали смех.

— Я принимаю твои извинения, — улыбнулся Инструктор. — И хочу сказать тебе спасибо за то, что ты опять даешь мне возможность поговорить с классом о Правильном Употреблении Слов. «Залюбоваться» — слишком сильное слово по отношению к разделыванию семги.

Инструктор повернулся к доске и написал «залюбоваться». А под ним написал «засмотреться».

Джонас улыбнулся этому воспоминанию. Он уже почти подъехал к дому и, ставя велосипед на место, вдруг понял, что не так со словом «страшно». Оно слишком сильное.

Он так давно ждет этого особого декабря. И теперь, когда декабрь так близко, ему не страшно. «Я жду его... с нетерпением, — решил Джонас. — И конечно, я волнуюсь». Все Одиннадцатилетние были взволнованы

этим стремительно приближающимся событием.

И все же всякий раз, когда Джонас думал, что́ может произойти, ему было не по себе.

«Мне тревожно, — решил Джонас. — Вот что я чувствую».

— Ну, кто сегодня хочет первым поделиться чувствами? — спросил Отец в конце ужина.

Это был один из ритуалов — делиться чувствами. Иногда Джонас и Лили спорили, кто будет первым. Их родители, конечно, тоже принимали участие в ритуале, они тоже делились своими чувствами каждый вечер. Но, как и все родители и вообще взрослые, они не ссорились. В том числе из-за права начать ритуал.

Сегодня и Джонас не пытался заговорить первым. Его чувства были слишком сложными. Он хотел ими поделиться, но не спешил, хотя и не сомневался, что родители помогут ему в них разобраться.

— Давай, Лили, — сказал он, глядя на младшую сестру.

Лили — Семилетняя — ерзала на стуле от нетерпения.

ДАЮЩИЙ

— Я сегодня очень разозлилась, — объявила Лили. — Моя группа из Детского Центра была на площадке для игр, и к нам пришли посетители-Семилетние, и они вообще не следовали правилам! Один из них, мужского пола, не знаю, как его зовут, все время забирался на горку без очереди, хотя все остальные ждали. Я так на него разозлилась! Я даже сжала руку в кулак, вот так. — Она потрясла кулачком, и вся семья улыбнулась ее смелому жесту.

— Как ты думаешь, а почему посетители не следовали правилам? — спросила Мать.

Лили в задумчивости покачала головой:

— Я не знаю. Они вели себя как... как...

— Звери? — смеясь, подсказал Дžoнас.

— Точно, — рассмеялась Лили. — Как звери.

Дети понятия не имели, что значит это слово, но так часто называли невоспитанных или неловких людей, людей, которые вели себя не так, как все.

— А откуда они приехали? — спросил Отец.

Лили задумалась.

— Наш староста говорил об этом в приветственной речи, но я не помню. Наверное,

я прослушала. Они из другой коммуны. Им пришлось выехать обратно очень рано, они даже обедали в автобусе.

Мать посмотрела на Лили:

— А как ты думаешь, может, у них правила другие? И поэтому они просто не знают, какие правила на вашей площадке?

— Наверное, — пожала плечами Лили.

— А вы разве не посещали другие коммуны? — спросил Джонас. — Моя группа часто это делала.

Лили кивнула:

— Да, когда мы были Шестилетними, мы провели целый школьный день с группой Шестилетних из другой коммуны.

— И как ты себя там чувствовала?

Лили нахмурилась:

— Мне было неудобно. У них другая система. Они уже освоили учебный материал, которого у нас не было, и мы чувствовали себя глупыми.

Отец слушал Лили очень внимательно.

— Я все думаю про мальчика, который не следовал правилам. Может, и ему было неудобно, может, и он чувствовал себя глупо? Ведь он тоже был в незнакомом месте

с непривычными правилами. Как ты думаешь, Лили?

Лили обдумала его слова.

— Да, — сказала она наконец.

— А мне его даже жалко, — сказал Джонас. — Хоть я его и не видел. Мне было бы жаль любого, кто оказался там, где ему неудобно и он чувствует себя глупо.

— Что ты чувствуешь сейчас, Лили? — спросил Отец. — Все еще злишься?

— По-моему, нет, — решила Лили. — По-моему, мне тоже его жалко. И я жалею, что сжала руку в кулак, — сказала Лили. И улыбнулась.

Джонас улыбнулся в ответ. Чувства Лили всегда такие ясные, простые, с ними легко разобраться. Он подумал, что, наверное, когда он был Семилетним, его чувства были такими же.

Он вежливо, но не слишком внимательно слушал, что рассказывает Отец. Тот говорил о чувстве, которое беспокоило его сегодня на работе: он волновался за одного из Младенцев. Отец Джонаса был Воспитателем. Воспитатели должны были заниматься всеми эмоциональными и физиче-

скими потребностями детей в первые годы жизни. Джонас понимал, что это очень важная работа, но она его не слишком интересовала.

— Какого он пола? — спросила Лили.

— Мужского, — сказал Отец. — Очень милый ребенок мужского пола со славным характером. Но он растет медленнее, чем положено, и плохо спит. Мы держим его в отделе дополнительного ухода, но в Комитете уже поговаривают о том, чтобы его удалить.

— Ох, — вздохнула Мать. — Представляю, как тебе тяжело.

Джонас и Лили сочувственно покивали. Удаление детей всегда было печальным событием, ведь они еще не успели насладиться жизнью в коммуне. И они не сделали ничего плохого.

Удаление не было наказанием только в двух случаях — если дело касалось Старых и Младенцев. Удаление Старых отмечалось как праздник полно и хорошо прожитой жизни, а вот Удаление новорожденных сопровождалось чувствами бессилия и грусти. Особенно тяжело приходилось Воспитателям, которым казалось, что в случив-

ДАЮЩИЙ

шемся есть их вина. Впрочем, детей удаляли очень редко.

— Но я пока не сдаюсь, — сказал Отец. — Я собираюсь попросить у Комитета разрешения приносить его на ночь домой, если вы, конечно, не против. Вы же знаете, как работают Ночные Воспитатели. Я думаю, этот малыш нуждается в чем-то большем.

— Конечно, — сказала Мать.

Джонас и Лили кивнули. Отец уже жаловался им на Ночных Воспитателей. Работа Ночных Воспитателей не считалась важной, на нее назначали людей, которым не хватало знаний, способностей, умения для более ответственной дневной деятельности. Большинству ночных работников даже не подбирали супругов, так как они не обладали элементарным навыком общения, что совершенно необходимо для создания Семейной Ячейки.

— Может быть, мы даже сможем его оставить у себя, — прощепетала Лили.

Она, конечно, дурачилась, все это прекрасно понимали.

— Лили, — с улыбкой сказала Мать, — ты же знаешь Правила.

Двое детей — один женского, один мужского пола — каждой Семейной Ячейке, гласили Правила.

Лили хихикнула:

— Я подумала: а вдруг один раз можно?

Следующей о своих чувствах рассказывала Мать, которая работала в Департаменте Юстиции. Сегодня к ней привели рецидивиста, человека, который уже нарушал Правила. Она считала, что, строго и справедливо наказанный, он снова обрел свое место в коммуне: работу, дом, Семейную Ячейку. Увидев его во второй раз, она рассердилась. Ей было обидно и даже немного стыдно, что она не смогла изменить его жизнь.

— И еще я почувствовала страх за него, — призналась Мать. — Вы же знаете, третьего шанса нет. Правила гласят, что третье нарушение влечет за собой Удаление.

Джонас вздрогнул. Он знал, что так бывает. У него в группе есть мальчик, чей Отец был удален много лет назад. Но никто никогда не говорит об этом, такой это позор. От одной мысли становится не по себе.

Лили подошла к Матери и положила руку ей на плечо. Не вставая с места, Отец

взял ее за руку. Джонас — за другую. Каждый произнес слова ободрения. Вскоре Мать улыбнулась, поблагодарила их и сказала, что ей гораздо лучше. Ритуал продолжался.

— Ну а ты, Джонас? — спросил Отец. — Ты сегодня последний.

Джонас вздохнул. Сегодня он бы рад и вовсе не рассказывать о своих чувствах. Но это, конечно, против Правил.

— Мне тревожно, — признался он, радуясь, что в конце концов нашел правильно описывающее его чувства слово.

— Почему, сын? — Отец выглядел обеспокоенным.

— Я знаю, что на самом деле волноваться не о чем, — объяснил Джонас, — и что каждый взрослый через это прошел. И вы тоже. Но Церемония все равно меня тревожит. Ведь уже почти декабрь.

Лили широко раскрыла глаза.

— Церемония Двенадцатилетних, — прошептала она благоговейно.

Даже самые маленькие дети — как Лили и младше — знали, что ожидает в будущем каждого из них.

— Я рад, что ты поделился с нами своими чувствами, — сказал Отец.

ЛОИС ЛОУРИ

— Лили, — позвала девочку Мать. — Тебе пора идти надевать пижаму. А мы с Отцом останемся и побеседуем с Джономасом.

Лили скривилась, но послушно встала из-за стола.

— Без меня? — спросила она.

— Да, это будет отдельная беседа только с Джономасом, — ответила Мать.